

Люди щедрого сердца

Беспокойные обязанности корреспондента газеты заносят меня в разные места. Встречаюсь я со многими людьми. Встречи бывают всякие. Одни оставляют неприятный осадок, другие, а таких больше, раскрывают богатую душу нашего человека. И вот о таких людях хороших, о людях щедрого сердца я и решил рассказать, изменив лишь их фамилии.

ВСЕГДА НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Мне пришлось быть на большом торжестве. Лучшим людям сельского хозяйства вручали ордена и медали. Среди награжденных назвали и звеньевую механизированного кукурузоводческого звена Марию Петровну Москаленко. На сцену вышла женщина среднего роста. Кудрявые, когда-то черные, а теперь побелевшие, волосы обрамляли ее высокий, перерезанный глубоким розоватым шрамом лоб. Лицо сохраняло следы былой красоты. Карие лучистые глаза, полные жизни, смотрели на людей открыто.

Я хорошо знал Марию Петровну, не раз бывал в ее звене. Опытный механизатор, человек горячо любящий землю и машины, она сумела со своим звеном много лет подряд получать высокие

урожаи кукурузы, о которых знала вся страна. Об опыте работы звена писали в газетах и журналах, издавали брошюры, сюда приезжали учиться.

Но не всегда Мария Петровна была хлеборобом. В войну комсомолка Москаленко служила в разведке, вместе с бойцами ходила в тыл врага. Приходилось им рядиться в личину гитлеровцев, работать с ними рядом, чтобы узнать нужные сведения.

Маруся работала шофером в штабе одной из фашистских дивизий. Она выдала себя за дочь немца, проживавшего на Кавказе и замученного коммунистами за свои симпатии к Гитлеру и его «новому порядку». Не раз планы гитлеровцев становились известны нашему командованию. Фашисты ломали голову — откуда противник знает все? Им и

в голову не приходило, что красавица фрейлен Мери Макенау — советская разведчица.

...Немцы готовили большую карательную операцию против партизан. Маруся своевременно сообщила об этом. Партизаны устроили засаду, чтобы захватить командование гитлеровской дивизии и тем самым сорвать замыслы врагов. Но буквально в последние часы фашисты кое о чем узнали. Вероятно, их разведка донесла, что партизанам известен план операции, и за несколько часов до начала боевых действий немцы изменили направление главного удара. Командование дивизии выехало совершенно в противоположном направлении, нежели предполагалось ранее. Маруся никак не могла сообщить своим обо всем

этом. Неожиданность удара сулила фашистам успех. И тогда Маруся решилась...

...Дорога петляла по горам. Одну из машин, где были начальник штаба дивизии, планы операции, высокие штабные чины, которым предстояло руководить боем, вела Маруся. На одном из крутых поворотов она резко бросила свой «БМВ» в пропасть. Колонна штабных автомашин остановилась. Нечего было и думать поднять людей из

этой зияющей, с крутыми склонами, поросшими густыми кустарниками и утыканными серыми скалами, пропасти. Операцию против партизан пришлось отложить...

Маруся чудом осталась жива. Слух об аварии штабной машины дошел до партизан. Они только им известными тропинками прошли в ущелье, нашли Марусю. Она была без сознания, лоб пересекала большая рваная рана. Партизанский врач насчитал пять переломов. Жизнь едва теплилась в

девушке. Ночью самолет, вызванный из тыла, перенес ее в госпиталь. Врачи отстояли ее от смерти. За этот подвиг разведчицу наградили орденом Красного Знамени, а партизаны назвали место на горной дороге Марусиным поворотом.

...И вот теперь Родина опять награждает эту женщину. Рядом с боевым орденом ей прикрепляют орден Трудового Красного Знамени.

ДОБРОЕ ДЕЛО

Я ждал попутную машину или рейсовый автобус. Мимо меня со смехом пробежали ученицы. Школьная форма их была в белых пятнах известкового раствора, но это ничуть их не огорчало. Они весело перебрасывались словами:

— Значит, успели?

— Успели.

— Вот хорошо!

— Пусть Анна Степановна догадывается, кто это сделал.

— Обрадуется она?

— Конечно.

Я бы не обратил внимания на разговор, если бы мой сосед по скамейке, ожидавший автобуса, не остановил одну из школьниц.

— Все в порядке?

— спросил он.

— Все в порядке, папа,— улыбнулась светловолосая девчушка.

— Ото и добре, ну беги к подружкам.

— Дочка моя,— обратился он ко мне. — В девятом классе. Удивительное дело!— он покачал головой.— И думают, что их секрета никто не знает, чудачки.

— А что за секрет?

— Да как вам сказать? Живет у нас в селе... Я сам здешний,— пояснил он.— Так вот, живет у нас в селе Анна Степановна Исакова. Женщина заслуженная, всеми уважаемая. По ленинскому призыву в партию пошла. Колхозы строила, с кулаками воевала, поднимала сельское хозяйство. Но

годы ушли, здоровья поубавилось. Женщина она одинокая. Мужа кулаки убили. Были сын и дочь, да в войну погибли. Государство, конечно, не забыло ее. Анна Степановна получает пенсию.

Рассказчик замолчал, задумался.

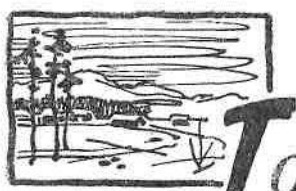
— Да вот и наш автобус идет,— бросил он. Мы сели рядом. Машина мягко тронула с места, выскочила за околицу, и мимо окон понесли черные квадраты зяби, чередуясь с изумрудными квадратами озимых.

— Так что же дальше?— спросил я.

— И школьники наши решили поднести Анне Степановне подарок. Посоветовались между

собой, с учителями и родителями. Анна Степановна — женщина гордая, никаких подарков ни от кого не принимает, кроме цветов да поздравлений.

И пошли в школе на хитрость. Пригласили Анну Степановну к себе, стали показывать мастерские, повели на урок, на пришкольный участок... В общем, все сделали для того, чтобы она подольше была там, а тем временем девчата и ребята восьмого, девятого и десятого классов принялись за ремонт ее дома. Еще заранее весь материал был изготовлен. Девушки белили, ребята исправляли окна, двери, забор, чистили двор... И вот, значит, успели. Придет Анна Степановна, а дом у нее как картина, встречай себе праздник в тепле и красоте.

ТОСТ

Журналистские дела привели меня в посёлок лесорубов. Короткий зимний день потухал, не успев как следует разгореться. Январский ветер пронизывал так, что казалось — на тебе не полушубок, а легкая летняя курточка. Далеко в горах сухо скрипел ветвями лес, нагоняя тоску время от времени с деревьев срывался с

глухим уханьем снег.

Я рад был, что на попутной подводе мне удалось добраться засветло до поселка, и постучался в первый же дом, который смотрел на вечер бледным светом керосиновой лампы. Хозяин дома Иван Семенович Щербина встретил меня так, словно мы с ним — старые приятели.

— Какой разговор! — махнул он рукой, когда я сказал, кто я, и спросил — нельзя ли у него переночевать. — Видите? — он показал рукой на большую русскую печь. — На ней нам жинка постелет, залезем с вами, да и очень славно заснем. Ну, это потом, а сейчас пойдёмте к моему соседу Петру Стецюку, такому же лесорубу, как я, на именины. Его сыну — год. Жинка моя у него, а я вот замешкался.

Никакие мои отговоры не помогли.

— Да вы что мне рассказываете! — возмутился Щербина. — Я вас что — воровать зову или на какую другую пакость? У человека радость. Разве плохо поздравить человека с радостью? Или, может быть, — Иван Семенович нагнул ко мне голову, глаза его сузились, и правый ус полез кверху, — не к лицу такому ученому человеку, как вы, с простым лесорубом за одним столом сидеть, чарку вина выпить? Тогда звеняйте мою необразованность...

...Никто не удивился моему приходу, будто меня давно ждали в доме Стецюка. И та смущенность, неловкость, с которой я шел сюда, сразу прошли.

Первую рюмку поднял отец виновника торжества. Я внимательно смотрел на Петра Стецюка. Такие среди лесорубов встречаются редко. Плоская грудь, узкие плечи, жилистая шея. Нельзя было назвать его красивым. Длинное лицо, впалые щеки, вислый нос, под которым приклеилась щеточка черных усов с первыми сединками. Но когда я посмотрел на его глаза, забылось все — и тощая шея, и некрасивое лицо. Эти глаза словно вобрали в себя всю синь весеннего неба и сейчас светились такой радостью, таким счастьем, каким они светятся только у того человека, который очень любит жизнь и людей.

Я ждал традиционного тоста за именинника. Но вышло иначе.

— Гости мои! — сказал Стецюк. — Давайте выпьем за дорогого нам человека, за Григория Владимировича Спивака.

За столом поднялся лет двадцати двух паренек. Густая краска залила его еще по-юношески округлое лицо. Даже пламя его рыжих кудрей вроде поблекло по сравнению с пламенем щек.

— Что вы, Петр Игнатович, — бормотнул парень.

— За тебя, Григорий Владимирович! За душу твою хорошую. И когда вырастет мой Гриша, я научу его так любить людей, как любишь ты.

И по тому, как дружно был поддержан тост, я понял, что все в поселке лесорубов крепко любят рыжекудрого парня.

Вернулись мы к Щербине в полночь. Нежились на теплой печи, но спать не хотелось.

— Иван Семенович,— не утерпел я,— а чем знаменит Спивак?

Щербина не сразу ответил, словно собирался с мыслями.

— Да ничем не знаменит... человек как человек. Просто хороший, да и все.

— Так чего же все-таки Стецюк первый тост за него поднял?

— Гм, вон вы о чем... Да тут длинная история. Если не очень в сон клонит, расскажу... Поселок наш, сами знаете, какой. Сюда и при хорошей погоде пока доберешься, семь раз умрешь.

А когда ударит зима, да завьюжит,— продолжал Щербина,— тогда мы до весны не выбираемся из поселка. Знаем только путь в лес на порубочную делянку да домой.

Одна отрада — если ясная погода, прилетит вертолет, привезет почту. А разве часто бывают в горах ясные деньки? Где там! Если не метель, то ту-

ман, если не туман, то ветер.

Щербина замолчал, чего-то завозился, видно, искал папиросы. Так и есть. Треснула спичка.

— Года два назад приехал к нам в поселок Спивак. Он только закончил медицинскую школу. Честно скажу, не обрадовались мы специалисту. Ну какой с него, думаем, спрос? Пацан, он и есть пацан, хоть ты ему докторское звание прилепи. Как-никак наш поселок у черта на куличках. От нас до больницы — не близкий свет. Значит, сюда нужен человек степенный, в летах, сурьезный. А Спивак, он что? Как молодая поросль. Ни столба с нее на подпорку, ни дранки на крышу,— один лист зеленый лопочет на ветру.

Потом смотрю — не то. Человек он годами-то зеленый, а до дела своего прицепистый. К больному в полночь и за полночь идет, пока не поможет — не бросит человека. У лесорубов на делянках часто бывает. Как-то в сторожке у нас заболел дед, так он к нему в такой ливень добирался, что не всякий, я вам скажу, родной сын к отцу по такому ненастью пойдет. И помог деду. Так тот теперь на него, все равно как на икону, смотрит, того и гляди, что молиться начнет. А как-то геологи бродили, землю щупали. Один из них и свалился: сломал ногу. Так его

Спивак на себе по горам и лесам ташил, пока на дороге вынес!

Ну а Стецюк... Давно он с жинкой в наших краях. Хорошая семья. Одна у них беда — детей нет. Много лет прошло, и как-то затяжелела его супружница. Подошли сроки, а разродиться женщина не может.

Мучается, страдает... Стецюк к Спиваку. Тот примчался да только руками развел. Ничем помочь не может. Тут его наука уже не берет. Хирурга, говорит, надо. А какой тут хирург? На дворе январь. Все дороги замело.

Что делать? Подрубила эта беда Стецюка под самый корень. А жене его как? Измучилась, тяжело. То кричала, а то уже и не кричит, только стонет.

Спивак к телефону, давай звонить. Из района дважды поднимался вертолет. Но не мог из-за метели добраться до поселка. А Спивак снова за телефон. Мол, женщина и ребенок умирают, спасать надо. Из района отвечают — выходит вездеход, на дороге выставляются комсомольские посты, пробивайтесь с женщиной навстречу.

И пошел Спивак пробиваться. Взял с собой двух лесорубов, «газик» из пашей конторы. На ощупь вел шофер машину. Снег несет, дорогу заносит. А Спивак сбоку, по-над пропастью идет, чтобы машина не свалилась. А

тут еще на дорогу упала снежная лавина. Едва не накрыла машину.

— Возьмем, братки, женщину на руки и понесем,— сказал тогда Спивак лесорубам.— Ведь нам навстречу идет вездеход.— И понесли они жену Стецюка... А вездехода все не было и не было. Встретили его километрах в двадцати от районного центра. Машина стояла - снежные заносы не пустили и ее в горы... А на следующий день Стецюк получил телеграмму: «Поздравляем сыном».

Понятно, почему первый тост был за Григория Владимировича Спивака, а сына Стецюк назвал Гришей? То-то же.